

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Токмурзаева Бакыта Салмановича

«Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй
половины XIX – начала XX вв.»,

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Поиск «имперских» элементов, определение их роли, происхождения, результативности при реализации аграрной колонизации в регионе имеет несомненную научную актуальность, особенно, в связи с обостряющейся в современных политических условиях, дискуссией о специфике российской колонизации (У. Сандерлэнд, А. Моррисон, А. Эткинд, А. Ремнев). Имперский ракурс исследования придает работе не только конкретно-историческую новизну, но позволяет претендовать на теоретико-методологические, терминологические, историографические новации. Появление фактически каждый год новых монографий по колониционным сюжетам (А. Эткинд, А. Головнев), множества диссертационных работ и статей однозначно свидетельствует о незавершенности научного поиска в этом направлении.

Б.С. Токмурзаев в диссертационном исследовании ставит весьма амбициозные цели не только показать имперское содержание в аграрной политике государства, но выявить влияние на итоговые решения государства общественно-политических экспертов, показать, как формировались и эволюционировали имперские компоненты колониционных проектов, в какие законодательные акты были претворены заявленные идеи и какие практики использовались для их реализации. Среди перечисленного – есть достаточно изученные сюжеты (аграрная колонизация Степного края в российском законодательстве) и вполне новационные, как с точки зрения постановки проблемы («имперский проект», как элемент интеллектуальной истории), методов решения (выявление общественно-политического дискурса степной колонизации, ее основных акторов).

Путь новаций сопряжен с опасностями и сложностями, с некоторыми диссертант успешно справляется. Так, качественный многофакторный анализ сословных мероприятий государства на степной окраине (глава 2) позволил автору убедительно продемонстрировать возможное расхождение официального курса и региональных программ; охарактеризовать широкий спектр колониционных практик; показать изменение имперских запросов в отношении контингента «строителей империи»; выявить сферы конфликта / сотрудничества субъектов колонизации степного региона. Основным источником данного раздела стали материалы официального делопроизводства местных учреждений (архивные материалы ЦГА РК и ГИАОО) и опубликованные исследования колониционных экспертов.

Однако необходимо отметить те авторские выводы / интерпретации, которые нуждаются в дополнительной аргументации или уточнении. Начнем с ключевого понятия исследования, которое в работе уточняется - это «имперский проект колонизации» («совокупность представлений о вероятности, перспективах и последствиях аграрного освоения Степного края, принявших программные очертания, зафиксированные в законодательстве»). Даже если ограничиться только конечным результатом, т.е. аграрным законодательством (см. раздел 1.3), то и в этом случае, в работе представлен не один «проект», а несколько (последовательно сменяющих друг друга) проектов / моделей: сначала казачьей, а затем крестьянской колонизации. Кроме того, логика работы, ее структура и в целом материалы первой главы показывают, что элементы и принципы «имперских проектов» степной колонизации начинали формироваться за пределами законосовещательных и законодательных площадок. Проектов аграрной колонизации Степного края даже в рамках центральных органов правления, а тем более местной администрации было множество. Учитывая же расширенное содержание понятия «имперские проекты», как это и делается в работе, они включают в себя не только планы российских властей и юридическое оформление этих планов, но и имперские представления общественно-политической интеллектуальной элиты, а также то, что получалось уже после реализации на практике. Во второй главе диссертанту удалось убедительно доказать, что даже в условиях статичного и порой неоп-

ределенного законодательства на окраинах, особый статус и роль местных чиновников позволяли им самостоятельно разрабатывать колонизационные проекты, реализовывать их на практике, даже если они «противоречили букве закона». Следовательно, имперский проект был не один. Это замечание касается не только формулировки темы исследования, но и хронологических рамок работ, которым явно не достаёт внутренней периодизации. Невозможно предположить, что общественные настроения (например, областнические или националистические) и сам «властный дискурс» не претерпевают кардинальных изменений от начала 60-х гг. XIX в. до 1904 гг. Не понятно, почему нужно останавливаться на 1904 г., когда, по мнению автора, и начинается реализация «имперского проекта» в Степном крае, который «в представлениях власти становится объектом реализации имперских планов аграрной колонизации».

Кроме того, сомнительна авторская попытка охарактеризовать официальную программу колонизации Степного края как «имперскую» полностью. Можно согласиться с тем, что в колонизационных проектах будут присутствовать имперские составляющие, но только наряду с аграрными, сословными, региональными, административными и проч. Именно поэтому «подчинение переселенческому законодательству» нормативно-правового регулирования формирующихся на окраинах локальных групп вполне могло закреплять не столько имперские и колонизационные приоритеты (интеграции окраин, сельско-хозяйственного и промышленного развития региона), а сословные интересы дворянства, социально-экономические или патерналистические ценности государства (иногда противоречащие интересам империи). Рассматривая усложнение имперского дискурса в Российской империи в конце XIX – начале XX вв., У. Сандерланд объяснил эти процессы особенностью русской колонизации: «Если российская колонизация и русское переселение равнозначны, это означает, что колонизация в России была не только крестьянской или земледельческой, или домашней, или колониальной проблемами, но всеми этими проблемами вместе. Результатом явилось то, что русские образы колонизации были изначально запутанными». Отсюда вывод, не

все в аграрной политике на окраинах империи является имперским и, именно в этом сложность заявленной темы.

Еще одно размышление касается «авторов» имперских проектов («имперских экспертов»), процедуры формирования имперской программы и реализации колониционных практик. Рассматривая механизмы формирования колониционных проектов вполне оправданно обращение к дискуссиям в периодической печати. Более того, идея проследить влияние общественно-политического дискурса на формирование и развитие аграрного и переселенческого законодательства, несомненно, является ценной и оправданной. Однако вызывает сомнение уместность и аргументированность схемы «двух позиций»: областнической (оппозиционной) и «националистической» (властной), особенно для Степного края. В работе анализируется преимущественно сибирский (а не степной), или российский (чаще, по западным губерниям) материал. При этом собственно содержание, ключевые позиции общественно-политического интеллектуального пространства, а также обоснование избранных представителей (например, к сторонникам и пропагандистам теории «большой русской нации» отнесены востоковеды и ориенталисты В. Григорьев, А. Снесарев, М. Венюков, А. Васильчиков) автор не особо комментирует и даже к работам их не всегда обращается. Помимо того, что все перечисленные эксперты (включая и идеологов с двух сторон: Н. Ядринцев и М. Катков), имели очень сложные ситуативно выстраиваемые и достаточно быстро меняющиеся представления, их идеи имели весьма различные механизмы и степень влияния, как на общество, так и на государственные структуры. Разве применим тезис о сепаратизме областников для 80-90-х гг. XIX в. для Сибири в целом, и тем более для Степного края? Насколько областнические рецепты «инородческого вопроса» в равной степени применимы для «коренной» и «степной» Сибири? Как и кем реализуется концепция «большой русской нации» в отношении Степного края?

Предложенный диссертантом механизм влияния общественно-политических дискуссий на колониционные проекты властей и законодательную практику («дискурс власти») дрейфует под влиянием «интенсивного общест-

венного дискурса») видится излишне прямолинейным и упрощенным. Представленный в работе материал позволяет опираться на концепцию «знания-власти» более продуктивно, обращаясь к технологиям и механизмам властвования. Эксперты (типа Н. Ядринцева, Г. Чиркина, А. Кауфмана и пр.), согласно концепции М. Фуко могут рассматриваться не как оппоненты власти и тем более не «агенты», которых нужно «вербовать». Они и являются самой властью, поскольку обладают научными знаниями (в данном конкретном случае, знаниями о колониционных перспективах, эффективности практик и т.д.). Выделяя пространство сотрудничества / сотворчества власти и общества, а именно «переселенческое дело», можно плодотворно, а главное, более достоверно интерпретировать колониционные проекты. На мой взгляд, в позднеимперский период власть «говорит», преимущественно, не имперскими / национальными, а социальными (зачастую вполне «прогрессивными»), сословными, конфессиональными категориями, особенно в отношении населения. Жесткие схемы «консерваторы – либералы» / «областники – националисты» могут существенно искажать выводы о характере общественного влияния на власть. Политические оппоненты государства (даже ссыльные революционеры) вполне могли не только разделять имперские настроения властей, но и подталкивать к их реализации. В связи с этим в категорию «строитель империи» попадает не только чиновник (он, прежде всего, строит государство и не обязательно империю), но и ученый, казак, крестьянин и даже «инородец». Для полноты характеристики имперских экспертов (особенно в историографическом и источниковедческом обзорах) автору явно не хватало источников, в том числе личного происхождения, характеризующих среду «переселенческого пространства» (мемуары А. Татищева, И. Тхоржевского, В. Кигна, В. Романова), а также делопроизводственных материалов Переселенческого управления.

Следует вполне согласиться с автором в неудачности и низкой информативной значимости исключительно хронологического подхода в историографическом обзоре. Выдвигая в качестве исследовательской проблемы «имперский проект» необходимо приветствовать попытку определить авторов / группы авторов, которые участвовали в разработке этого проекта. Важно, что автор осознает некор-

ректность их однозначного противопоставления, однако и предложения по новой группировке авторов по издательским площадкам, учреждениям или общественно-политическому характеру (официальные и либеральные позиции) нельзя признать удачными. Некорректность этих классификаций легко доказать обратившись даже к минимальным данным об «имперских экспертах»: они легко сочетают государственную службу, работу в ИРГО, а позднее и участие в партиях (очень редко в правых), публикации и в официальных, и либеральных изданиях (лучший пример ревизор землеотводных работ департамента Государственных имуществ Министерства Земледелия, сторонником государственно-принудительного распределения земель и при этом член ЦК кадетской партии А.А. Кауфман). Сложность и неочевидность предложенной классификации оставляет вопросы и по выбору периодических изданий, которые используются в качестве источников. Очевидно, что областническая позиция, развивалась не только на страницах «Восточного обозрения» и, тем более - не только Н. Ядринцевым. Даже если общественно-политический дискурс не являлся приоритетной темой исследования, следует признать, что за пределами авторского внимания остались более референтные издания и статьи.

В диссертации Б.С. Токмурзаева значительное внимание уделено теоретико-методологическим основаниям собственного исследования и проблемам методологии в трудах предшественников, терминологическому аппарату работы. Не вызывает сомнения необходимость использовать «подходы, зафиксированные в научно-исследовательских практиках «новой имперской истории». Однако, указанные работы (А. Миллера, А. Ремнева, Б. Шенка, У. Сандерленда) не носят теоретического характера, поэтому ссылка на «новую имперскую историю», которая институализировалась в журнале «AI» остается не вполне раскрытой. Единственная ссылка на публикацию в «AI» и, кстати, одновременно работу, предлагающую методику исследования – это статья А.В. Ремнева «Региональные параметры имперской «географии власти». Думается, что именно концепция «географии власти» позволила бы автору не только выделить этапы имперского строительства в степном регионе, но и аргументировать их имперский характер, сравнивать коло-

низационные усилия государства в разных регионах на вполне определенных критериях.

Автор достаточно активно использует современную научную терминологию, как из арсенала новой имперской истории, так и имиджологии. В разделе теоретическая значимость диссертации Б.С. представил авторские интерпретации ряда терминов (имперский проект колонизации, имперские практики колонизации, внутренняя колонизация, имперская ситуация). Несмотря на определенную дискуссионность некоторых используемых понятий, следует, действительно, согласиться и с необходимостью, и продуктивностью данного терминологического анализа для работы. Не лишним было бы интерпретировать и «все остальное имперское», используемое при характеристике аграрной колонизации степного края, в том числе имперская система, общеимперский конструкт, а также понятийный ряд производный от термина «колонизации»: «универсальная модель колонизации», «форсированная модель колонизации» и т.д. Важно обратить внимание на изменение в трактовке понятий (от позднеимперских текстов к современным) и не модернизировать позиции дореволюционных исследователей. Логичным аргументом в пользу выводов об «имперскости» позиций (журналов или отдельных представителей направления) был бы анализ используемой терминологии, в том числе контент-анализ. Так, например, в журналах «Вопросы колонизации» и «Сибирские вопросы» национальная и имперская лексика (а тем более, имперские настроения и имперский пафос с колониальными амбициями) практически отсутствовали и преобладал вполне социальный, либеральный дискурс. В установочной редакционной статье журнала «Вопросы колонизации» «колонизация» характеризовалась как государственно-народное дело; термин «империя» и сопутствующая колониальная лексика использовались крайне редко, поэтому и требуется пояснения, какие аутентичные термины раскрывают используемые в работе «имперские» факторы, практики, системы и т.д.

Диссертационное исследование Бакыта Салмановича Токмурзаева подготовлено самостоятельно, написано профессионально, текст автореферата в полной мере соответствует содержанию диссертации. Основные положения и выводы

проведенного исследования отражены в одиннадцати научных публикациях, в том числе четырех - опубликованных в журналах реферируемых ВАК. Тексты рукописи и автореферата диссертации соответствуют стандартным требованиям к их оформлению. Диссертация Б.С. Токмурзаева, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение важной научной проблемы – раскрывается содержание, а также процесс формирования имперских проектов аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в. Это имеет существенное значение для получения нового научного знания об имперских экспертах, механизмах и технологиях подготовки официальной колонизационной программы империи, что соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученой степени» от 24 сентября 2013 г. № 842. Б.С. Токмурзаев заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история.

Суворова Наталья Геннадьевна,
кандидат исторических наук по специальности
07.00.02 – Отечественная история,
доцент кафедры дореволюционной отечественной
истории и документоведения
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования
«Омский государственный университет им.
Ф.М. Достоевского»
644077, г. Омск, пр. Мира, 55-а
Телефон: (3812) 67-01-04;
e-mail: rector@omsu.ru
web-сайт: <http://www.omsu.ru/page.php?id=7>

1 июня 2016 г.